

П. Ю. Уваров

КОНЕЦ «СТРАНЫ СОВЕТОВ», ИЛИ О РЕПУТАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМАХ И НЕТЕРПИМОСТИ К ХАЛТУРЕ

Ключевые слова: Высшая аттестационная комиссия (ВАК), историческое сообщество, диссертация В. Р. Мединского, халтура, репутация.

Крупный российский историк-медиевист, в течение ряда лет возглавлявший экспертный совет ВАКа по истории, на основании собственного богатого опыта делится с читателями размышлениями о существующих в России механизмах научной аттестации.

НЕОЖИДАННЫЕ ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ, А ТАКЖЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ¹

Первая часть заголовка отсылает к рубрике, в которой я пытался организовать в «Исторической экспертизе» (далее ИЭ) регулярные рассказы членов экспертного совета ВАК по истории о своей работе. Теперь я ушел из экспертного совета, да и сам он будет в скором времени почти полностью подвергнут ротации.

© Уваров П. Ю., 2018

Уваров Павел Юрьевич — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой Социальной истории Факультета истории Высшей школы экономики, профессор РГГУ (Москва); ouprav@mail.ru

Так что проект «Новости Страны Советов» закрывается. Вторая часть заголовка заимствована из названия, придуманного редакцией для моего первого интервью ИЭ: «Важно, чтобы заработали репутационные механизмы, чтобы сформировалась научная среда, непримиримая к плагиату и к халтуре» (см. № 2 от 2016 г., с. 106–112). Сегодня, когда от «казуса Мединского» у всех осталось терпкое послевкусие и когда «передовая общественность» только и делает, что клянёт ВАК, не звучит ли такое высказывание издевательски?

Как ни странно — нет. Грянувший скандал как раз и вызван тем, что шестеренки репутационных механизмов, хоть нехотя и со скри-

пом, но все-таки начинают приходить в движение, а нетерпимости к халтуре и плагиату теперь явно больше, чем пять-шесть лет назад. Значит, ВАК движется в правильном направлении. И кажущая университетской практикой полная видеозаписи защит, и требования вывешивать полный текст диссертации при строгом соблюдении сроков, и, главное, обидное для оппонентов требование предоставлять список последних работ, имеющих отношение к теме диссертации, — соблюдение всех этих требований, вроде бы столь нелепых — делают повторение «казуса Мединского» невозможным. Сегодня не может быть защиты с оппонентами, чуждыми данной теме, не говоря уже о всех прочих странностях этой работы.

Поэтому надо помнить о том, что перед нами — «дела давно минувших дней», времени, когда председателем ВАК был не В.М. Филиппов и еще даже не Ф.И. Шамхалов, да и сама эта организация еще не подчинялась Министерству образования и науки.

Поэтому я не подписываю петиций, призывающих отменить ВАК или срочно сместить все его руководство. Лучше вряд ли будет.

Что же касается самой диссертации В.Р. Мединского, то я высказал свое мнение на страницах «Независимой газеты» ([URL: www.ng.ru/kartblansh/2017-10-23/3_7100_kartblansh.html](http://www.ng.ru/kartblansh/2017-10-23/3_7100_kartblansh.html)), конечно, готов продолжить разговор об этом и, наверное, еще продолжу, но не сегодня, сегодня — о другом. О ВАКовской судьбе всей этой истории.

Но перед этим надо сделать три замечания, чтобы потом к этому не возвращаться:

1. Лишение ученой степени и отказ в утверждении диссертации — принципиально разные вещи. Утвердить или не утвердить диссертацию, защищенную в диссертационном совете, — в этом, собственно, и состоит рутинная работа экспертного совета ВАК. Лишение степени — мера исключительная. До сих пор она применялась в тех случаях, когда были доказаны массивные «некорректные заимствования» (эвфемизм плагиата), фальсификация приводимых данных (наличие «липовых» публикаций), грубое нарушение правил защиты, определенных на тот момент «Порядком присуждения ученых степеней».

2. В «Положении о защите» не говорится о том, что лишать степени можно только по формальным соображениям. Перечислены требования к диссертационному исследованию, которые можно трактовать так, что несоответствие одному из требований (например, научности) служит достаточным поводом, чтобы возбудить дело о лишении ученой степени. Ссылки на отсутствие прецедентов или на чье-то мнение не являются основанием отклонять такое заявление о лишении ученой степени (ЗОЛУС).

3. Часто приходится слышать: «Почему так называемое научное сообщество вовремя не обратило внимания на диссертацию В.Р. Мединского?» А как это было возможно при прежнем порядке защит и отсутствии текста самой диссертации

в Интернете? Тем более что не было среди оппонентов специалистов по XV–XVII вв., не было какого-либо публичного обсуждения работы с участием профессионалов — все это окружало происходящее в РГСУ завесой тайны. А как только радостное событие защиты стало явью — появились отзывы, начиная с «пещерного источниковедения» А. Н. Лобина, а затем и многие другие. Когда же появилась достаточно массовая практика «заявлений о лишении ученой степени» за плагиат и прочие нарушения, дошла очередь и до ЗОЛУСа, подписанного филологом-классиком И. Ф. Бабицким и докторами исторических наук К. Ю. Ерусалимским и В. Н. Козляковым. Напомню, их заявление содержало претензии не столько по части плагиата, сколько к содержанию работы, изобиловавшей ошибками, заставляющими усомниться в научной квалификации автора.

ОХОТА НА МИНИСТРОВ ДОЛЖНА БЫТЬ ЗАПРЕЩЕНА

О том, как я в принципе отношусь к перспективе лишения степени по причинам, связанным с научным содержанием диссертации, мы еще поговорим. Но в данном случае героем заявления становится министр. И одно это, мягко говоря, сильно затрудняет объективную оценку его творчества. Во всяком случае — в нашей стране. Это естественно. Это в Германии министр расстался со своим постом из-за обвинения в плагиате, но мы живем не в Германии. У нас все иначе, к тому же немецкого министра

обвинили в плагиате, а не в том, что он написал плохую диссертацию. В последнем случае требуется не просто подсчет заимствований, а объективная научная экспертиза, а вот она-то и встречает ряд препятствий.

Во-первых, в нашей политической культуре или, скажу даже больше — в нашей дискурсивной практике, — министр всегда неправ. Хороших министров культуры и министров просвещения не бывает. Таковыми они могут стать в памяти современников, лишь после того, как оставят свой пост. Таков наш менталитет, достаточно почитать великолепный дневник А. Н. Савина «Университетские дела», чтобы понять, как обстояли дела более ста лет назад, когда, кстати, историческая наука в Российской империи переживала свой золотой век. В общественном мнении российский министр не может рассчитывать на презумпцию невиновности.

Зато с точки зрения государства любой министр «свой», и под давлением общественного мнения у нас министров не снимают. Таковы правила игры. Потом, может быть, и снимут. Но не по «мнению народному» и уж точно не по решению ВАК.

Министр обладает несравнимо большими информационными и властными ресурсами, чем его критики. С другой стороны, у министра очень плотный график работы, и если ему одновременно с этой своей деятельностью надо будет сидеть в библиотеках и архивах, готовя ответы оппонентам, и присутствовать

на заседаниях диссертационных советов и иных инстанций, где слушается его дело, то на исполнение прямых обязанностей времени точно не будет. А действовать через каких-то доверенных лиц получается еще хуже.

Отделена ли наука от государства и в какой степени она обладает автономией — вопрос особый. Однако вспомним, что год назад президент России освободил чиновников, избранных в члены РАН, от занимаемых ими ответственных должностей, коль скоро им пришлось выбирать между служением науке и исполнением своих прямых обязанностей.

А в том случае, когда речь идет о «выстреле из прошлого», я бы вообще предложил объявить мораторий: пока человек занимает важную государственную должность, например в ранге министра, то заявление о лишении его ученой степени принимается, регистрируется, но, если речь не идет об обвинении в плагиате, рассматриваться оно будет лишь после того, как данный чиновник перестанет занимать свою должность. Пожизненных министров, кажется, у нас пока нет. В качестве компромисса можно предписать министру временно убрать со своих визитных карточек указание на обладание ученой степенью.

Главное же в том, что ЗОЛУС в данном случае предполагает научную экспертизу. И ученые, призванные эту экспертизу проводить, заранее оказываются под прессом соображений, далеких от идеалов чистой науки.

Если ты согласен с заявителями, то тебя обвинят в том, что ты занимаешь антигосударственную позицию. Со всеми вытекающими последствиями: от публичных оскорблений со стороны телевизионных монстров до методов мягкой силы — твой родной НИИ могут ранжировать по низшей категории, твой университет может не попасть в очередной список «топ-100», а самому тебе напомнят, что скоро истекает срок твоего контракта. Способов подтвердить наблюдение поэта о том, что «власть омерзительна, как руки брадобрея», в нашей стране немало.

Но если ты с заявителями не согласен по тем или иным причинам, то тогда не сильно лучше — ты безнадежно подрываешь свою репутацию, тебя назовут подхалимом и лизоблюдом и дальше ты будешь идти по жизни, как сказал другой поэт, «сквозь револьверный лай» фейсбука.

Так ученый помимо своей воли оказывается вовлечен в ситуацию не научного, а нравственного выбора. И к этому экзистенциальному решению, в любом случае чреватому неизбежными потерями того или иного свойства, эксперт, как правило, не очень готов.

И потому «дело Мединского» и перебрасывалось из совета в совет, как горячая картофелина.

Ну ладно, заявление взяли и зарегистрировали, меня не спросили. А зарегистрированному заявлению надлежало двигаться в соответствии с установленной процедурой. Через некоторое время оно появилось в нашем экспертном совете.

ТРУДНОСТИ ВЫБОРА

Экспертный совет не имеет права решать дело сам. Действовать надо в соответствии со строгими правилами. Если поступает заявление о лишении ученой степени, диссертацию нужно направить прежде всего в тот совет, где она защищалась, чтобы с ним там ознакомились и дали ответ. Неудивительно, что почти в 80 % случаев диссертационный совет отвечает, что заявление очень плохое, а диссертация, наоборот, очень хорошая. А затем экспертный совет решает, что делать дальше: соглашаться или отправлять в какой-то другой совет, для того чтобы иметь независимое суждение.

Однако часто бывает так, что диссертационного совета уже не существует. Вот тогда диссертацию сразу направляют в какой-то иной совет данного профиля. Точнее, экспертный совет предлагает президиуму ВАК это сделать, а президиум соглашается или предлагает какое-то иное решение. Как показывает практика, решение «стороннего» совета для диссертации чаще бывает неблагоприятно.

В данном случае совет РГСУ, где защищался министр, был распущен в связи с накопившимися замечаниями. Предстояло решить, куда направить заявление и диссертацию и представить свой выбор на рассмотрение президиума.

Мы решили, что отправлять дело надо в совет, пользующийся безусловным научным авторитетом, в состав которого входят хорошие специалисты по российской ис-

тории XV–XVII вв. Первой была мысль об СПбГУ, благо там работают А. И. Филюшкин, А. В. Сиренов, да и другие известные историки. Этой мыслью я поделился с руководством ВАК, но мне возразили, что поскольку СПбГУ уже встал на путь реформирования советов по новым правилам и выходит из подчинения ВАК, то ректор непременно откажется от такого предложения. Такие же опасения высказывались и в отношении МГУ, также начавшего процесс расставания с ВАК.

В Санкт-Петербурге еще есть сильный совет в Институте истории РАН, однако он еще не оправился от «дела Александра», и вновь обречь его на испытания, вовлекая в игры с властью, было бы уж совсем несправедливо.

Наилучшим выходом было бы отправить дело в Институт российской истории РАН. Но на автореферате, имевшемся в деле, значилась фамилия оппонента — заместителя директора этого института В. А. Лаврова. С тех пор он ушел из института, но все же формальные основания для отказа у руководства имелись, и было ясно, что оно этим поводом воспользуется. Это было обидно, поскольку исход разбирательства был там отнюдь не предрешен — в диссертационном совете были как вероятные противники, так и заведомые сторонники В. Р. Мединского. Дискуссия носила бы принципиальный характер.

Вариант с моим родным советом в ИВИ РАН был менее интересен.

По российской истории у нас специалистов не так много, и к тому же я-то знал, что, независимо от позиции председателя совета, исход голосования был слишком уж предсказуем и малопривлекателен для автора диссертации.

А начальство торопило, делу обязательно надо было дать ход до того, как президиум разойдется на каникулы в середине июля. И выбор пал на диссертационный совет по истории Уральского федерального университета.

УРАЛЬСКАЯ РАПСОДИЯ

В состав совета УРФУ входят хорошие специалисты по русской истории XVI–XVII вв., а также медиевисты-«западники» и византинисты, способные читать оригиналы источников, на которые ссылался автор диссертации. Немаловажным было и то, что совет располагал учеными, занимающимися проблемами исторической памяти, изучением «образа другого», что также имело прямое отношение к теме диссертации. Но для меня главным было то, что этот диссертационный совет всегда отличала высокая исполнительская дисциплина. Они уже несколько раз выполняли задания ВАК по экспертизе работ, причем делали это качественно и в срок. К сожалению, этого нельзя сказать про большинство других советов: порой диссертацию просто не забирали на почте, теряли, сроки экспертизы безбожно затягивались. И еще один аргумент был для меня очень важным. Ученые из этого совета, во всяком случае те, кого

я знаю, — люди крепкие, самобытные. Они удалены от столичных тусовок, у них на все есть свое собственное мнение, и давить на них — контрпродуктивно.

Коллеги из УРФУ, конечно, не были в восторге от оказанной им чести. «Что мы сделали Уварову плохого, за что ВАК нас так наказал?» — сетовали уральцы. Однако за дело взялись, предупредив, что работу могут начать не раньше сентября, после отпусков. Можно было бы попытаться остановить весь запущенный механизм и отложить отсылку документов на сентябрь, но ведь руководство нас торопило, вероятно, реагируя на позицию Минобрнауки.

Напомню, что заявление поступило и ушло в работу в ту пору, когда министерство возглавлял Д. В. Ливанов, при котором ЗОЛУСы в отношении высокопоставленных плагиаторов стали явлением частым. А с 19 августа министром стала О. Ю. Васильева, подобную практику не поощряющая. «Казус Мединского» стал если не первым, то одним из первых ребусов, которые ей предстояло решить.

Тем временем проект заключения Екатеринбургского совета был подготовлен к концу сентября, и заседание 4 октября 2016 г. было посвящено этому вопросу. Сам В. Р. Мединский на него не приехал по причине важного мероприятия в Казахстане, отправив на Урал своих представителей (по-моему, ими были К. А. Аверьянов, М. Ю. Мягков, С. Ф. Черняховский). К разочарованию собравшихся журналистов,

председатель диссертационного совета зачитал письмо, в котором диссертант попросил перенести заседание на месяц, поскольку ему хотелось бы лично присутствовать на заседании столь уважаемого собрания. Совет, имевший право рассматривать вопрос и в отсутствие одной из сторон, все же согласился отложить решение этого вопроса, проявив тем самым свою добрую волю.

Я не видел уральского проекта заключения. Наверное, если бы очень захотел, то смог бы с ним ознакомиться, но не стал этого делать, желая сохранить непредвзятое мнение. А вот К. А. Аверьянов его прочитал и ужаснулся. Подозреваю, что оно выставляло диссертацию и ее автора в весьма неприглядном виде. Думается, что тревога была ложной. Во-первых, проект и итоговое заключение — вещи разные. Я знаю, что значительная часть совета была настроена значительно менее воинственно, и резкую формулировку, скорее всего, не утвердили бы. Но если бы она и прошла, то наш экспертный совет вряд ли бы с ней согласился, выработав более компромиссный вариант. В конце концов — диссертацию, наконец, обсудили профессионалы (чего остро не хватало на всех предыдущих этапах), недостатки выявили, а уж достаточно ли их для лишения степени — это решать будет президиум. Скандал бы все равно был, но, конечно, не такой сильный, каким он получился в итоге.

Вот тогда и произошло что-то очень важное. Насколько я представляю, события развивались

следующим образом. Представители В. Р. Мединского убедили его в том, что проект заключения нельзя предавать огласке и что дело любой ценой надо забрать из Екатеринбурга. Судя по всему, либо сам министр, либо кто-то из его окружения обратился к О. Ю. Васильевой с просьбой о содействии. Из Минобрнауки поступило распоряжение в ВАК сделать все возможное, чтобы дезавуировать решение диссертационного совета УРФУ. Руководство ВАК вспомнило, что совет аж на четыре дня превысил отведенный «положением о защите» двухмесячный срок рассмотрения и под этим предлогом забрало дело. Решение столь же элегантное, сколь и надуманное, коль скоро двухмесячный срок прочими советами обычно не соблюдался. Да и дело, направленное в Екатеринбург в период каникул, заведомо не могло быть рассмотрено в двухмесячный срок, о чем уральцы сразу же предупредили.

Конечно, они могли бы протестовать, но не стали. Для них ситуация разрешилась наилучшим образом — и научную репутацию сохранили, и в открытую конфронтацию с Министерством образования и науки не вступили. Видимо, в этот момент было заключено некое джентльменское соглашение — дело забирают из совета, никаких замечаний и репрессий в отношении его и УРФУ в целом не будет, но убийственный для репутации В. Р. Мединского проект заключения останется для всех тайной. Его как бы не существует. Уральцы свое слово сдержали. Проект так и не появился в Сети.

ХОЖДЕНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО МУКАМ

Видимо, в отношении меня у начальства уже возникли обоснованные подозрения если не в недостатке лояльности, то в недостатке сообразительности, поэтому руководство ВАК, координируя свои действия с двумя министрами, начало на сей раз без меня искать новый совет, куда можно направить диссертацию. Поиски «вменяемого» совета велись и в регионах, и в столице. Но председатели диссертационных советов как могли отбивались от токсичной диссертации. Самым надежным аргументом был намек на то, что раз голосование тайное, то совет может и не проголосовать за нужное начальству решение. Наконец, вновь вспомнили об МГУ.

Да, ректор имел формальные основания отказаться от этого заманчивого предложения. Но, насколько я понимаю, в ноябре состоялось какое-то совещание на очень высоком уровне, ректора настоятельно попросили проявить любезность. Министры могли быть довольны — авторитет МГУ не мог вызвать сомнений, и вместе с тем централизованная система управления при В.А. Садовничем обычно сбоя не дает, и потому бунт против предписаний ректора казался маловероятным.

Когда же мне предложили согласиться с выбором в пользу диссертационного совета МГУ (№ Д501.001.72), я, конечно, не стал возражать. Уж в этом-то совете недостатка в хороших специалистах по русскому средневековью не было. Диссертацию обсудят профессионалы, а именно

этого я и добивался. К тому же это окончательно убирало дамоклов меч, подвешенный над советом УРФУ по моей вине.

24 ноября 2016 г. на заседании президиума ВАК я от нашего экспертного совета предложил направить дело в МГУ. Предложение вызвало протесты «новичков», недавно введенных в состав президиума на инерционной волне ливановских реформ по «демократизации» работы ВАК. Они хотели вернуть диссертацию на Урал. Но большинство проголосовало за МГУ.

Все были довольны. В.М. Филиппов объяснял журналистам, что дело В.Р. Мединского передано лучшим специалистам по данной проблеме. О.Ю. Васильева радовалась, обещая «яркий научный спор» на защите в МГУ.

Но ни два министра, ни председатель ВАК (ни даже председатель ЭС по истории) в университете не обучались и потому явно не были готовы к тому, что произошло дальше. Диссертация просто потерялась (то ли не тот шифр совета был указан в сопровождающих документах, то ли не тот адрес, то ли забыли из канцелярии ректора отправить ее на факультет). Во всяком случае, в диссертационный совет дело не попало, сознательно это произошло или нет — решайте сами. И только когда двухмесячный срок практически закончился, диссертация появилась, наконец, на историческом факультете.

Чтобы оценить всю красоту комбинации, разыгранной на приснопамятном заседании 7 февраля

2017 г., лучше будет взять интервью у кого-нибудь из присутствовавших там историков. Итог всем известен: диссертацию рассматривать не стали, пролистали ЗОЛУС и, не найдя обвинений в плагиате, вернули дело в ВАК. Моментально после этого совет был закрыт якобы в связи с реформой (на самом деле его собирались закрывать лишь осенью). Университетское руководство, как оно считало, сохранило лицо (с чем, однако, согласны были не все), уважило просьбу министров. И теперь могло быть довольно.

В. Р. Мединский и его штаб решили, что могут праздновать победу, однако было ясно, что дело не закрыто. «Яркого обсуждения» не получилось.

Несмотря на возмущение авторов ЗОЛУСА, активистов «Диссернета» и «оппозиционных» членов президиума, наступило затишье. И я начал было готовиться к тому, что теперь-то диссертация прямо попадет в наш экспертный совет. Но, видимо, двусмысленное решение, обеспеченное дриблингом МГУ, не показалось Минобрнауки достойным основанием для того, чтобы победу счесть убедительной.

Я, наконец, был приглашен ВАКовским начальством и услышал фразу, изрядно подзабытую мной с советских времен: «Есть мнение...» На сей раз авторитетное мнение указывало на Белгородский университет как на оптимальный выбор. Я мало что знал об этом совете и запросил список его членов с росписью их специализации. Моему упрямству подивились, но список вскоре принесли.

Взглянув на него и не обнаружив ни одного специалиста по российской истории, предшествовавшей XIX в., я заявил, что экспертный совет не поддержит этот выбор. Начали думать сами о других кандидатурах. Мы предложили советы Воронежского и Нижегородского университетов, раз уж решено перенести дело подальше от Москвы. Но тут выяснилось, что В. В. Пенской, который значился в списке членов Белгородского совета как специалист по битве на Курской дуге, является еще автором ряда работ по русской истории XVI–XVII вв. и, что особенно интересно, участником полемики по поводу диссертации Мединского. Сомнений в том, что Белгородский университет проголосует в пользу министра, у меня, конечно, не было, иначе фразу «есть мнение» произносить не стали бы. Но научное, квалифицированное обсуждение диссертации, «яркий научный спор» был, как я полагал, все же вероятен, и тогда хоть какие-то научные приличия были бы соблюдены. Поэтому экспертный совет включил в список своих предложений президиуму, помимо Воронежского и Нижегородского советов, еще и совет при БелГУ. Моим коллегам из Воронежа и Нижнего советую пойти в церковь и поставить свечки своим святым патронам за то, что их минула чаша сия. А еще лучше — поблагодарить В. В. Пенского за самый факт его существования, поскольку иначе я бы никогда не согласился отправить диссертацию в Белгород.

Министры не ошиблись в выборе — 07.07.2017 диссертационный совет проголосовал против ЗОЛУСа девятнадцатью голосами «за» при

трех воздержавшихся. Диссертант был назван «великим человеком».

Самое главное, что диссертацию вновь обсуждать по существу не стали, острое критики было направлено против наглых заявителей. Позже я не без удивления узнал, что В. В. Пенского так и не включили в состав рабочей группы, назначенной советом для подготовки заключения. Подозреваю, что сам он не особенно огорчился по этому поводу. Хотя, участвуя он в подготовке проекта заключения, его критические замечания не переубедили бы коллег, зато хотя бы видимость научной дискуссии была бы создана. Однако Белгородский совет предпочел не играть в «объективность» и не рисковать, сочтя, что лояльность выше приличий. И не прогадал. Белгородский университет теперь открывает список девятнадцати вузов, которым, согласно августовскому постановлению Правительства России, с 1 сентября 2017 г. дано право самостоятельно присуждать ученые степени кандидата и доктора наук. А российская фразеология пополнилась теперь идиоматическим выражением — «белгородские историки», наподобие «басманного правосудия». С чем их можно поздравить.

Однако, забегаая вперед, скажу, что и с ЗОЛУСом они, равно как и их коллеги из МГУ, толком не ознакомились, упустив некие важные детали, как то: сомнения в реальности указанных диссертантом печатных работ. Не случайно ведь праздник благолепия в Белгороде был слегка подпорчен пыльным представителем «Диссернета» А. В. Заякиным, кото-

рый прорвался к трибуне и, вырвав из рук представителя диссертанта монографию, стал доказывать, что она вышла в свет после защиты и потому данные, приведенные в автореферате, являются заведомой ложью. Но, понятное дело, слушать его никто не стал.

После этого опять наступило затишье, и я уж стал думать, что начальство изобретет что-нибудь, чтобы обойти ЭС ВАК стороной. Но нет, к началу сентября дело все-таки поступило к нам.

НА ПУТИ К РАЗВЯЗКЕ

4 сентября на заседании экспертного совета был определен состав рабочей группы для подготовки проекта заключения. В нее вошли пять историков, занимающихся русской историей XV–XVII вв., специалист по западному средневековью, специалист по изучению «образа другого». Я в комиссию себя не включил, хотя к теме диссертации имел непосредственное отношение как переводчик записок капитана Маржерета.

Наш совет настраивался на торжественный лад. Хотели мы этого или нет, но нам не оставили выбора — раз диссертацию не обсуждали по существу ни разу, то это придется делать нам. При этом я загодя разослал текст диссертации и заявления всем членам совета. Раз им предстоит голосовать по вопросу, имеющему принципиальное значение для исторической науки и, скорее всего, для будущих судеб членов экспертного совета, никого

использовать вслепую не хотелось. С диссертацией и заявлением имели возможность ознакомиться все, а если кто-то этого не сделал — таков был его личный выбор.

19 сентября проект заключения на 12 страницах был подготовлен. На совещании рабочей группы присутствовал и я. То, что в этом тексте диссертация была подвергнута весьма квалифицированному и взвешенному анализу, сомнений не было. Споры вызывала итоговая формулировка. Большинство членов рабочей группы настаивало на том, чтобы рекомендовать президиуму лишить автора ученой степени, но с этим были согласны не все, и я в том числе.

В течение сентября со мной интенсивно общалось начальство. По мере того, как настрой рабочей группы обретал свои очертания, мои собеседники становились все более грустными. Будучи умными людьми, они прекрасно знали цену диссертации, но почему-то верили в меня, полагая, что голосование экспертного совета будет определяться моей позицией. К тому же они знали, что я вообще противник лишения степеней и готов к поиску компромисса. Я попросил подсказать юридически грамотную формулировку, из которой следовало бы, что диссертация плохая и ВАК сегодня нипочем не утвердил бы ее, если бы речь шла о защите, но все же лишать за нее степени мы не рекомендуем. Такой формулировки мне никто так и не предложил. А от экспертного совета требовался однозначный ответ, никаких «да, но». И компромиссы были абсолютно

не нужны ни заявителям, ни диссертанту.

Я мог лишь обещать, что, в силу личных убеждений, сам не буду голосовать за лишение степени и что на президиуме ВАК выскажу свое частное мнение по данному вопросу, а на экспертном совете дам возможность выдвинуть также альтернативный, положительный для диссертанта вариант постановления. Надо обеспечить свободный обмен мнениями, а там уж — как получится. На том и порешили. В конце концов, последнее слово все равно будет за президиумом.

Незадолго перед заседанием стало ясно, что В.Р. Мединского на нем не будет (он справедливо рассчитал, что ему выгоднее эффективно появиться на заключительном этапе — на заседании президиума). За несколько дней до назначенной даты ко мне обратился М.Ю. Мягков с просьбой допустить на заседание четверых представителей диссертанта. Я не стал возражать, вызвав недовольство коллег по совету, поскольку мы вовсе не обязаны были допускать зрителей и болельщиков на наше заседание. Но я считал, что им можно будет задать некоторые важные вопросы.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Заседание состоялось 2 октября 2017 г. Вопрос о диссертации В.Р. Мединского был далеко не единственным в повестке дня — нам предстояло разрешить еще множество важных дел, но начали, разумеется, именно с этого пункта.

Я попросил разложить по столам экземпляры проекта заключения, с которым нам предстояло работать.

Сторону авторов ЗОЛУС, как всегда, представлял И. Ф. Бабицкий. В этом месте позволю себе небольшое отступление. На всех этапах от тройки заявителей всегда выступал именно Бабицкий, в одном и том же свитере, и с рюкзачком, перекинутым через плечо подобно праще Давида. Один раз филологического Давида против чиновно-исторического Голиафа выпустить можно, но, право же, его соавторы — доктора исторических наук, люди более академического вида, подороднее, в пиджаках и галстуках, смотрелись бы более органично. В особенности — на последнем, решающем заседании президиума.

От министра пришли пятеро — М. Ю. Мягков, С. Ф. Черняховский и К. А. Аверьянов, а также представитель от Белгородского совета и представитель от давно распущенного совета РГСУ.

Я понимал, что результаты нашего голосования, скорее всего, будут не в пользу министра. Но все же считал, что перевес будет небольшим, например — 11 человек за лишение степени, 9 — против, а я — воздержусь, о чем заранее всех предупредил. Руководство ВАК было не в восторге от моего прогноза, но в целом, кажется, уже смирилось с таким итогом. Проблемное голосование облегчило бы президиуму задачу не согласиться с нашим решением. Но получилось иначе — рекомендация о лишении степени прошла практически с «туркмен-

ским счетом»: 17 «за», 3 «против» при одном воздержавшемся.

Почему так произошло? Понятно, что медиевисты изначально были против — любой нормальный историк, работающий со средневековыми памятниками, столкнувшись с «пещерным источниковедением» диссертанта, неизменно хватался за сердце. Но остальные члены совета вроде бы удалены от этой проблематики и уж точно мало кого можно отнести к «либеральной тусовке» — люди все больше серьезные, при чинах, при должностях. Конечно, знакомство с этим текстом у коллег, уже привыкших анализировать диссертации, вызывало, мягко говоря, недоумение. И все же, я уверен, что на выбор повлиял сам ход обсуждения.

Сперва эlegantный М. Ю. Мягков зачитал письмо министра, излагавшего свое видение проблемы. Оно было вполне ожидаемым и относительно корректным. Вот после этого и уйти бы всем приглашенным. Но нет.

Представитель РГСУ на мой вопрос о странном выборе оппонентов, не имеющих прямого отношения к теме диссертации, откровенно ответил, что на тот момент подобная практика не противоречила закону. Что не запрещено, то, как известно, разрешено. Представитель БелГУ на вопрос о том, почему В. В. Пенского не включили в состав рабочей группы по подготовке заключения, не менее честно заявил, что в их совете он числится как представитель иной специализации, чем та, по которой была защищена диссертация.

Ну-ну. Как будто остальные члены комиссии имели хоть какое-то отношение к этой теме.

Затем К. А. Аверьянов вдруг начал яростно ругать проект заключения, вынесенного советом УРФУ год назад. По его словам, они принялись искать черную кошку в темной комнате, в которой ее нет, и экспертному совету ни в коем случае нельзя идти этим путем. Тем самым он первым нарушил джентльменское соглашение, согласно которому все произошедшее год назад предполагалось забыть. Нам-то зачем эта информация? Но гвоздем программы было выступление С. Ф. Черняховского, академика Академии политической науки, который хорошо поставленным голосом заявил, что сомнений в качестве диссертации быть не может, поскольку лучшие ученые МГУ в течение трех месяцев досконально изучали ее и пришли к выводу о высочайшем качестве этой работы.

В состав экспертного совета по истории входят люди, бывшие на том памятном заседании совета МГУ, когда диссертация внезапно появилась на столе и было официально принято решение не рассматривать ее по существу. Мы все прекрасно знали реальное положение дел в МГУ. Трудно представить, что академик этого не понимал. Зачем ему было лгать столь вызывающе? Загадка.

Вот все эти красноречивые выступления и были соломинкой, переломившей спину верблюда. Расклад получился кристально чист: не либералы против патриотов, не хип-

стеры против государственников, а специалисты-историки против воинствующего непрофессионализма и халтуры. Так что министр может благодарить за исход голосования свою команду. И это не сарказм.

Оставшись без посторонних, мы долго спорили о формулировках заключения. Что-то смягчили, что-то усилили в тексте. Но важна была итоговая часть. Как после всего услышанного сказать, что экспертный совет рекомендует сохранить степень? По мнению большинства членов совета, это значило не уважать самих себя, свой труд и, главное, навсегда похоронить репутацию профессионального сообщества российских историков.

Мои аргументы и, главное, красноречивые доводы уважаемого коллегами заместителя председателя экспертного совета П. П. Шкаренкова о том, что само по себе лишение степени по причине качества работы создает опасный прецедент, чреватый разрушением всего здания гуманитарной науки, на сей раз мало кого убедили. Предложение оставить заключение как есть и просто не давать итоговой фразы (пусть, мол, будет юридически безграмотно, но искренне) не прошло. Такой документ вообще никто не воспримет всерьез. От него просто отмахнутся.

В итоге на голосование было выдвинуто два предложения — рекомендовать лишить степени или же рекомендовать степень оставить. Трое проголосовали против лишения. Но уверяю, что ни один из них не считал диссертацию хорошей, речь лишь шла о самом принципе.

Мы огласили решение через два часа после начала работы. И сразу же принялись решать другие вопросы, не терпящие отлагательств: речь шла о судьбе журналов, которым грозило исключение из списка ВАК, затем рассматривались накопившиеся диссертационные дела. За всем этим я совершил серьезную ошибку. Надо было сразу же собрать все экземпляры проекта заключения и попросить коллег воздержаться от интервью и комментариев до решения президиума. Я же это элементарно забыл сделать, подавленный величием исторического момента и лавиной текущих дел. А когда вспомнил, было уже поздно. Некоторые члены совета отпросились, досрочно покинув наше безбожно затянувшееся заседание. Когда же оно, наконец, закончилось, наш текст уже гулял по Сети, а телефоны захлебывались от звонков представителей СМИ. Положение усугублялось тем, что наш итоговый вариант заключения все-таки отличался от проекта.

Ну, что вышло, то вышло.

И все-таки хороший у нас совет. Мы в целом все сделали правильно, я уверен в этом.

НАУЧНАЯ СТЕПЕНЬ НЕОТЧУЖДАЕМА

Теперь нужно поставить точку с запятой и поговорить, наконец, о моей позиции относительно неотчуждаемости ученой степени. Эту позицию, несмотря ни на что, я продолжаю отстаивать с упорством, достойным Лютера на Вормском сейме. Как историк средневековых

университетов, я знаю, как формировалась вся система присуждения ученых степеней («ученых градусов», как говорил Ломоносов). Она сродни церковным таинствам. Если священник правильно свершил все обряды, то таинство затем отменить нельзя, даже если выяснится, что священник негодяй. Присвоение степени — древнейший из академических ритуалов, гарантировавший принятие ученой корпорацией нового члена, обладающего отныне особым социальным качеством. И это — стержень существования всей университетской системы от XIII в. и до сего времени. Среди обладателей степени были те еще «фрукты», некоторых даже сожгли или отлучили от Церкви, но степени их при этом не лишали, академическое таинство обратной силы не имело.

Прецеденты лишения академических степеней были, но относились в основном к эпохе Третьего рейха. Этот пример, кстати, удерживал советских начальников от соблазна лишить докторской степени А. М. Некрича или академического звания — А. Д. Сахарова.

Не хотите аргументов от истории? Пожалуйста, вот аргументы прагматические. Вы сегодня хотите лишить степени неуча за то, что он неуч. Завтра партия неучей побеждает на выборах, и тогда уже вас будут лишать степени за то, что вы — не неуч. А послезавтра обладание степенью будет поставлено в зависимость от особенностей ДНК соискателя, благо генетика шагает вперед семимильными шагами. И уже не только соискателей, но и обладателей

степеней проверяют на процент генома, унаследованного от неандертальцев. Если выше 4% — то степеней надо лишать.

Это кажется невероятным? Мы считаем обладание нашими степенями чем-то закономерным и нерушимым, поскольку мы получили их честным путем, нас признает профессиональное сообщество и государство. Но это лишь потому, что существуют некоторые общепринятые правила игры. И стоит их нарушить — все посыплется как картонный домик.

Утверждая, что история не наука, в трогательном единении сливаются В. Т. Третьяков и Д. Л. Быков, по сути на эту немудреную идею работают и высказывания обоих министров, сопровождавшие всю нашу диссертационную историю, не говоря уже о мнении многих представителей естественнонаучного знания. Возражать на это можно главным образом тем, что если бы история совсем не была наукой, то в ней было бы все дозволено, как в художественном творчестве. Но в истории дозволено пока не все. Нельзя, например, не соблюдать общепринятые правила критики источников, не обращать внимания на общеизвестные работы коллег, пишущих на ту же тему, не учитывать контраргументы, выдвигая какое-либо положение, подменять правила формальной логики метафорами и т. д. Но обратите внимание, что все это не более чем конвенции. Если о них забыть, то наступает хаос, где прав тот, у кого крепче глотка.

Историк высказывает какую-то мысль, но только когда это будет сделано публично, когда пройдет научное обсуждение среди специалистов, когда выводы автора будут откорректированы им с учетом критики, только тогда изреченная мысль становится историографическим фактом. Она не получает статус истинного высказывания, но ее уже нельзя игнорировать. Историографическим фактом становится серия статей в научном журнале, монография, прошедшая обсуждение, рецензирование и научное редактирование, и, конечно же, диссертация, в особенности — докторская. Потому-то и важно соблюдать при защите все установленные правила, и проявлять требовательность. Но если защита состоялась и диссертация прошла все необходимые инстанции — она становится частью историографического знания, ее можно опровергать, но нельзя уже игнорировать. Отсюда — необходимость закрывать плохие диссертационные советы, карать нерадивых оппонентов и строго контролировать советы оставшиеся — они важнейшие элементы системы гуманитарных наук.

Но если мы начинаем задним числом аннулировать защиты по причине низкого качества работ, то кто скажет, где следует остановиться? Если эта диссертация настолько плоха, что ее автора надо лишить степени, то справедливость требует, чтобы и у других авторов плохих диссертаций тоже отобрали степень, пусть даже и посмертно. Как далеко вглубь истории науки может дотянуться реверсивный меч Не-

мезиды? Есть предположение, что Паскаль, ставя свои барометрические эксперименты на башне Сен-Жак в Париже, допустил некоторые нарушения — не перестать ли наконец измерять давление в паскалях?

Подобные соображения вынуждают меня выступать против идеи лишения ученой степени из-за содержания диссертации. Надо признать, что «казус Мединского» стал испытанием на прочность для этой системы взглядов.

«Ну да, мы все понимаем, у тебя сложное положение, но неужели ты сам считаешь, что степени нельзя лишить?» — спрашивали меня друзья и коллеги. А некоторые разорвали со мной общение после того, как по новостным каналам прошла информация, что глава экспертного совета ВАК взял Мединского под свою защиту. Основанием для этого утверждения стал сам факт того, что я воздержался при голосовании.

СМИ продемонстрировали в те дни редкую изобретательность в очернении решения нашего совета и в игнорировании любых возражений с нашей стороны. Реакция «друзей Мединского», которым щедро предоставляли эфирное время и газетные полосы, была ожидаемо бурной. Мне она напомнила повеление известного персонажа после того, как его осенил крестным знаменем кузнец Вакула. Но если абстрагироваться от информационного шума журналистов и блогеров, то из моей позиции действительно вытекает категорический силлогизм:

1. Большая посылка. Степени лишать нельзя, если соблюдены все формальные правила защиты.

2. Малая посылка. При защите диссертации В. Р. Мединского формальные требования были соблюдены, а то, что диссертация не обсуждалась специалистами по проблеме, и то, что оппоненты не имели отношения к теме, — так все это, как ни смешно, не считалось в 2011 г. формальным нарушением «Положения о защите».

3. Заключение. Следовательно, В. Р. Мединского нельзя лишать ученой степени, какого бы качества ни была его работа.

Но вот в «Новой газете» незадолго перед заседанием президиума ВАК, назначенного на 20 октября, появляется материал, после которого малая посылка силлогизма была поставлена под вопрос.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК? ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Опросив оппонентов, указанных в том автореферате, который лег в основу ЗОЛУС, газета выяснила, что они не участвовали в защите.

Тогда-то и всплыл второй автореферат, в котором были указаны совсем другие оппоненты: А. А. Королев, В. П. Семин и В. И. Тымчик. Различались издания и списками публикаций автора, и тем, что во втором варианте отсутствовало указание на научного консультанта В. И. Жукова.

Таким образом, в наличии оказались два автореферата. Первый

(назовем его «белым» по цвету обложки), с которым работали авторы ЗОЛУС, возникал при обсуждениях диссертации в УРФУ, МГУ и БелГУ, и он же был в нашем диссертационном деле. Второй, в бежевой обложке, с правильно указанными оппонентами, существовал в какой-то параллельной реальности. По словам авторов заявления, именно «белый» вариант хранился в Российской государственной библиотеке («Ленинке»), и уже одно это делало его нормативным. После публикации в «Новой газете», по словам журналистов и участников социальных сетей, началось нечто странное — в библиотеках, имеющих право обязательного экземпляра, «белый» автореферат спешно заменяли на «бежевый». Не знаю, насколько это правда, но в принципе, учитывая, что библиотеки подведомственны Министерству культуры и сколь высокие ставки оказались на кону, исключить этой вероятности я бы не стал. Во всяком случае, технически это было возможно. Да и стилистически, увы, тоже.

Министерство культуры, связавшись с членами распущенного совета РГСУ, выдвинуло версию, что это — ошибка технического секретаря, разместившего на сайте черновой вариант автореферата. Не очень понятно, почему черновой вариант попал в библиотеки, но в целом эта версия вполне правдоподобна. Сперва подготовили и напечатали «белый» автореферат, указав оппонентов, с которыми, как считали, достигнута принципиальная договоренность. Затем выяснилось, что это не так. В. М. Лавров, по его словам, отказался, что для

академического работника вполне естественно, коль скоро его научные интересы не совпадают с темой диссертации «Проблемы объективности российской истории во второй половине XV — XVII в.». Он занимается темой русских революций. Тогда диссертационный совет назначил Мединскому других экспертов, по словам министерства — «более узких по этой теме» (URL: www.rbc.ru/society/17/10/2017/59e611759a7947bddcfad496).

Что верно, то верно — научные интересы новых оппонентов были поуже, чем у предыдущих, и не выходили за рамки истории КПСС. Но они страстно хотели поддержать борца с русофобией и потому были более сговорчивы.

Тогда же, вероятно, сообразили, что нельзя указывать в автореферате научного консультанта, который является при этом председателем диссертационного совета, где защищается диссертация. Вероятно, поработали и со списком публикаций, либо что-то убрав, либо, наоборот, что-то приписав. Но точно не знаю, ведь «бежевый» экземпляр автореферата я не открывал.

А мог бы. Он неожиданно всплыл у нас на заседании 19 сентября, когда мы остались, чтобы обсудить проект заключения экспертного совета. Тогда И. В. Курукин неожиданно достал из портфеля «бежевый» экземпляр и поинтересовался, какому же варианту следует доверять?

Дело в том, что он был одним из многих членов нашего экспертного совета, кто работал еще в предыду-

щем составе. Он рассказал, что тогда, в 2011 г., среди множества прочих дел, на декабрьское заседание принесли диссертацию В. Р. Мединского. Она вызвала ряд вопросов, но дело решили отложить на следующий раз, чтобы с ним разобратся и, возможно, пригласить автора на свое заседание. Тогда И. В. Курукин забрал домой один из тех нескольких экземпляров автореферата, которые лежали в деле. Он мог его более внимательно посмотреть, готовясь к следующему заседанию. Но когда совет вновь собрался уже в январе, среди дел, вынесенных на заседание, диссертация про «Проблемы объективности» уже не числилась. Как потом выяснилось, эта работа каким-то образом уже прошла утверждение на президиуме ВАК. «Бежевый» автореферат Игорь Владимирович оставил себе на память. А теперь — принес.

Наличие двух авторефератов для одной диссертации не является чем-то невероятным. Вот, кстати, и в деле К. А. Александрова тоже были два автореферата. В этом нет криминала. Бывает, что напечатали один автореферат, а, например, кто-нибудь из оппонентов отказался или вышли новые печатные работы, которые обязательно надо отразить в списке публикаций. Тогда издают новый автореферат, вывешивают его на сайте диссертационного совета и сдвигают дату защиты. Старый вариант с сайта убирают, но раз в ВАК он уже ранее был послан, то он там и останется в деле, соседствуя с новым авторефератом. Главное разобраться, какой из них аутентичный. Обычно

это несложно, достаточно взглянуть на дату защиты, но с «казусом Мединского» все иначе. Оба экземпляра не датированы. Как правило, пробел, оставленный для даты защиты, заполняется затем от руки, но здесь этого не сделали, забыли.

Я решил, что если бы «белый» автореферат был недействительным и авторы ЗОЛУС упомянули его по ошибке, то эту ошибку должны были бы выявить службы ВАК, принявшие заявление, или юристы, которые затем вникали во все тонкости этого дела. Несоответствие всплыло бы на каком-либо из трех этапов рассмотрения дела — в Екатеринбурге, Москве или в Белгороде. И уж представители Мединского точно должны были заметить, что ЗОЛУС опирается на недействительный автореферат. Это же для них такой выгодный аргумент, чтобы отклонить заявление! Но оказалось, что у них все силы ушли на гневное обличение врагов министра и до работы с документами просто руки не дошли.

Поэтому я положил «бежевый» экземпляр в папку, «до кучи», решив, что мы имеем дело с предварительным вариантом.

Надо пояснить, что никто нам долго диссертационного дела не давал. Эту папку, мало-помалу становящуюся все более пухлой, можно было листать лишь во время заседания, когда у нас было полно других забот. Вот с текстом ЗОЛУС и текстом диссертации мы и работали. А заниматься детективными расследованиями не входило в наши обязанности. Дали бы документы

домой, может, и разобрались бы на досуге.

Хорошо хоть, что решение предыдущего экспертного совета о положительной рекомендации работы мне удалось посмотреть. Выяснилось, что оно датировано 30 декабря 2011 г. Это была пятница, а экспертный совет по истории всегда заседал только по понедельникам. Под документом стоят подписи заместителя председателя экспертного совета А. А. Данилова, секретаря И. В. Белоусова и докладчика — эксперта К. А. Аверьянова, ныне — столь рьяного защитника министра-медиевиста, напомним, единственного из специалистов по русскому средневековью, кого не возмущает «пещерное источниковедение» диссертанта.

Скорее всего, к концу года накопилось много незавершенных дел, и начальство постановило не перетаскивать их на следующий год. А для этого быстренько принять положительные решения по всем работам. Может быть, для этого особо надежные члены совета и приезжали специально в ВАК под Новый год, а может, поставили свою подпись задним числом. Но к этим делам добавили и диссертацию В. Р. Мединского, с которой иначе возникли бы проблемы и задержки в силу повышенного внимания отдельных членов экспертного совета. А задержка не нужна была ни диссертанту — в ту пору еще не министру, но уже влиятельному парламентария, ни той невидимой руке, которая способствовала продвижению его дела в ВАК. Куда-то надо было спешить.

Был ли в жонглировании рефератами злой умысел? Не думаю, скорее всего, и сам министр не обратил внимания на то, какой именно из его авторефератов заново всплыл в его диссертационном деле.

Но знай мы раньше, что данные об оппонентах, указанных в «белом» экземпляре, неверны и что В. М. Лавров не оппонировал диссертацию, мы бы непременно отправили работу на экспертизу в ИРИ РАН. Дело решилось бы уже год назад, вовсе не обязательно фатальным для диссертанта образом, и, главное, не было бы всех этих постыдных заячьих петель, накручиваемых диссертацией по стране. Получается, что экспертный совет был введен в заблуждение.

20 октября на заседании президиума ВАК с вопросами по содержанию работы от нашего совета выступил А. В. Чернецов. Я же высказал свою точку зрения на то, стоит ли лишать степени автора диссертации, если формальная процедура была соблюдена. Но заметил, что в данном случае возникли претензии именно к формальной стороне дела.

Таким образом, если президиум ВАК не желал соглашаться с мнением экспертного совета по поводу научного качества диссертации, то поводы усомниться в легитимности действий диссертационного совета у него теперь имелись. Стоило все-таки разобраться с авторефератами, снять вопросы по срокам размещения данных о защите, уточнить, когда именно были опубликованы научные статьи и монографии, ука-

занные в одном варианте, но отсутствующие в другом. А заодно уже и провести внутреннее расследование по поводу прохождения диссертационного дела в самом ВАК. Да, диссертант в нарушениях может и не быть виноватым. Но уже есть много прецедентов, когда ВАК аннулировал защиты по куда менее серьезным поводам.

Если бы все эти сомнения возникли, скажем, дней на десять раньше, то какое-то дополнительное разбирательство и было возможно. Но теперь решение уже было принято. На столе у начальства лежал правильный «бежевый» автореферат, к тому же накануне они раздобыли аудиозапись защиты в РГСУ и установили, что она все-таки была и все «узкие по теме» оппоненты действительно выступали. В чем, впрочем, никто и не сомневался. Президиум в итоге предпочел завершить дело благоприятным для министра образом.

О ходе заседания 20 октября уже всем известно.

Скандал все-таки разразился. У многих членов нашего экспертного совета появилось сильное желание выйти из его состава. Это желание подогревалось вопросами и вниманием к этой теме журналистов. Хуже всего было то, что на некоторых из нас начали давить, прямо или косвенно указывая на неминуемую расплату за строптивость. В последние недели нам уже слишком явно давали понять, что совет подвергнут полной ротации в самом скором времени.

В этих условиях 23 октября я подал заявление с просьбой освободить

меня от обязанностей председателя экспертного совета ВАК по истории с 1 ноября 2017 г. (мне нужна была неделя, чтобы провести еще одно заседание нашего совета и по возможности завершить незаконченные дела).

Я написал моим коллегам письмо, разъясняющее мое решение. Оно приложено ниже.

Последнее заседание прошло, по-моему, очень хорошо и как-то душевно. Все-таки нам не было стыдно за нашу работу, а это многого стоит.

Все. Пора заканчивать, и так текст уже безбожно затянут, да и время уходит. Если будут вопросы, то после Нового года готов на них ответить. Я продвигу вопросы про диссертацию К.М. Александрова или про общие выводы, которые можно сделать из «казуса Мединского», или про то, как соотносятся между собой профессионализм, патриотизм и халтура. Но об этом как-нибудь в другой раз.

ПИСЬМО П. Ю. УВАРОВА ЧЛЕНАМ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА ВАК ПО ИСТОРИИ

Дорогие коллеги!

Сегодня я в последний раз присутствую на заседании экспертного совета ВАК по истории. Искренне благодарю вас за проделанную работу и за атмосферу подлинно научного общения, которая была свойственна нашим заседаниям на протяжении четырех лет.

ВАК принято ругать. К сожалению, сейчас в пылу споров почти никто не обращает внимания, что сам скандал, унаследованный нами из далекого уже 2011 г., свидетельствует о том, что ВАК двигался в правильном направлении. Ужесточение контроля над деятельностью диссертационных советов, серьезные требования, предъявляемые теперь оппонентам, обеспечение доступа всех желающих не только к автореферату, но и к самому тексту диссертации — все это делает технически невозможным повторение ситуации, когда ни на одном этапе работа не обсуждалась специалистами по данной проблеме.

Поэтому я надеюсь, что наш ЭС столь же добросовестно, как и прежде, доработает до того момента, когда будет утвержден новый состав, обеспечив бесперебойную и качественную экспертизу всех защищенных диссертаций. Я же написал заявление об отставке, не дожидаясь плановой ротации, с тем чтобы в дальнейшем не связывать своими действиями или заявлениями наш уникальный научный коллектив, работоспособность и единство которого непременно надо сохранить.

Теперь, уже как бывший председатель, я благодарю членов президиума ВАК, поддержавших принципиальное решение нашего экспертного совета и поверивших в наш профессионализм и беспристрастность.

Есть, однако, и еще одно обстоятельство. Как вы помните, я был

и остаюсь принципиальным противником возможности лишения степени по содержательным критериям. Я уже объяснял, чем вызвано мое убеждение, думаю, еще не раз мне придется излагать свои доводы. Но это при условии легитимности всей процедуры получения степени. На нашем памятном заседании 2 октября 2017 г. у меня не было в этом особых сомнений применительно к обсуждаемой диссертации. Однако незадолго перед заседанием президиума они появились — прежде всего из-за истории с двумя авторефератами. Помимо всех прочих соображений, ВАК вольно или невольно ввели в заблуждение — мы были уверены, что одним из оппонентов рассматриваемой диссертации являлся В. М. Лавров, в ту пору заместитель директора Института российской истории РАН. Именно это обстоятельство помешало нам пойти по самому простому пути: отправить диссертацию на экспертное заключение в диссертационный совет этого авторитетного научного учреждения. Каким бы ни было вынесенное ими решение, вряд ли бы с ним не согласились. Это избавило бы всех от почти полугодового марафона с четырьмя экспертизами, что не способствовало укреплению престижа ВАК и всей российской исторической науки.

И все же я не думаю, что случившееся можно уподобить «игре с нулевой суммой». В итоге удалось привлечь внимание научной общест-венности к важнейшим вопросам отечественной истории, связанным как с критикой исторических источников, так и с критериями про-

фессионализма в работе историков. Я уверен, что заинтересованное и конструктивное обсуждение этих проблем будет продолжено.

С надеждой на дальнейшее сотрудничество и с искренними уважением,

П. Ю. Уваров,
чл.-корр. РАН
30 октября 2017 г.

THE END OF THE "SOVIET COUNTRY", OR ABOUT THE REPUTATIONAL MECHANISMS AND INTOLERANCE TO THE HACK-WORK

Uvarov Pavel Yu. — doctor of historical sciences, corresponding member of RAS, head of the Department of Western European Middle Ages and early Modern Times of the Institute of General History, RAS, head of the Department of Social History, Faculty of History, HSE, professor of the Russian State Humanitarian University (Moscow)

Key words: The Higher Attestation Commission (VAK), The historical community, V. Medinskiy's dissertation thesis, hack-work, reputation.

A major Russian medieval historian, who for several years headed the VAK's expert council on history, reflects on the mechanisms of academic attestation in Russia appealing to his own rich experience.